

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN LOGUMJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-130-136>

МОТИВ СНА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА «ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ»

Кузнецова Алина Николаевна, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, azamat_kost@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8516-7618>

Аннотация. В статье рассматриваются семантика и поэтика мотива сна, присутствующего в сборнике Ходасевича «Европейская ночь» и формирующего авторскую концепцию «вдохновения». Показывается, что лейтмотив сна характеризует психологическое состояние лирического героя, связанное с приходом либо отсутствием творческого вдохновения. Семантика мотива реализуется антиномично. С одной стороны, сон-вдохновение спасает лирического героя от земной рутины. С другой стороны, в некоторых стихотворениях обычная земная жизнь предстаёт для лирического субъекта сном-наваждением. Особенно трагическое звучание повествование об этом сне-наваждении приобретает в контексте сборника. Развёрнутая метафора «европейская ночь» в авторском воплощении усиливает две интенции: противопоставлены сон-наваждение и сон-спасение. В лирическом пространстве «Европейской ночи» Ходасевича сон становится метафорой особого пограничного состояния, внушённого и даже «навязанного» извне герою-творцу. Согласно художественной философии поэта, вдохновение, являясь результатом мобилизации всех способностей художника слова, оказывается «потусторонним», посланным свыше бытием, ведущим к большей творческой продуктивности. Мотив «сна» в противоречивом контексте вышеупомянутых стихотворений «Европейской ночи» указывает на спасительную функцию вдохновения, позволяющего творцу избавиться от «земного сна», духовно «прозреть» и повести за собой людей.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, сборник «Европейская ночь», мотив сна, интерпретация, поэтика, семантика, амбивалентность, вдохновение.

Для цитирования: Кузнецова А.Н. Мотив сна в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича «Европейская ночь» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 130–136. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-130-136>

Research Article

DREAM MOTIF IN VLADISLAV KHODASEVICH'S POETRY COLLECTION "EUROPEAN NIGHT"

Alina N. Kuznetsova, graduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, azamat_kost@mail.ru, kost@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8516-7618>

Abstract. The article describes the semantic content and poetics of the dream motif present in Vladislav Khodasevich's collection "European Night", and we form our own concept of "inspiration". It is shown that the dream leitmotif characterises the psychological state of the lyrical hero associated with the arrival or absence of creative inspiration. The semantics of the motif is implemented antinomically. On the one hand, the dream-inspiration saves the lyrical hero from the mundane routine. On the other hand, ordinary earthly life in some poems appears to the lyrical subject as a dream-obsession. The story of this dream-obsession gets a particularly tragic sound in the context of the collection. The expanded metaphor "European Night" in the author's incarnation reinforces two intentions – obsession dream and salvation dream are opposed. In the lyrical space of Vladislav Khodasevich's "European Night", dream becomes a metaphor for a special borderline state, instilled and even "imposed" from the outside on the creator hero. According to the poet's artistic philosophy, inspiration, being the result of the mobilisation of all word artist's abilities, is an "otherworldly" being sent from above, leading to greater creative productivity. The "dream" motif in the contradictory context of the above-mentioned poems of "European Night" indicates the salvation function of inspiration, which allows the creator to get rid of the "earthly dream", to spiritually "see through" and to lead people.

Keywords: Vladislav Khodasevich, "European Night" collection, dream motif, interpretation, poetics, semantics, ambivalence, inspiration.

For citation: Kuznetsova A.N. Dream motif in Vladislav Khodasevich's poetry collection "European Night" (1927). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 130–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-130-136>

К мотиву сна обращались многие русские писатели. Введение такого литературного приёма помогло, например, И.А. Гончарову, Ф.М. Достоевскому, В.В. Набокову и другим русским прозаикам полнее раскрыть внутренний мир своих персонажей. С помощью образа «сна» часто передавали своё видение мира, выражали свои мысли и переживания такие поэты, как В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.А. Фет, О.Э. Мандельштам, А.А. Блок, М.И. Цветаева, И.А. Бродский.

Онейросфера, художественно воплощённая в русской литературе, не раз становилась предметом исследования. Так, Д.А. Нечаенко посвятил свою монографию изучению функций сновидений в текстах мифологий, религий и мировой литературы [Нечаенко 1991]. В другой своей работе он проанализировал сюжетообразующую роль сновидений в балладах и поэме Жуковского «Агасфер» [Нечаенко 2011]. Отечественные литературоведы рассмотрели особенности генезиса и смыслового наполнения мотива сна в творчестве М.Ю. Лермонтова [Полякова], А.А. Фета [Леготина], А.А. Блока [Александрова, Коптелова: 110–113], О.Э. Мандельштама [Кавтарадзе], М.И. Цветаевой [Дворяшина, Козикова]. А.М. Ремизова [Цивьян] и других авторов.

В контексте исследования онейросферы в русской поэзии следует выделить работу Е.В. Невзглядовой, которая характеризует разные варианты реализации мотива «сна» в творчестве ряда русских лириков [Невзглядова]. Особое воплощение сновидческого начала она находит и в поэзии В.Ф. Ходасевича [Невзглядова]. Невзглядова верно подмечает, что в раннем стихотворении Ходасевича «Сладко после дождя тёплая пахнет ночь...» выражены неясные, отрывочные, сновидческие ощущения лирического героя. Это – зарисовки памяти, подобной сну.

Проблема репрезентации мотива сна в лирике Ходасевича также затрагивается и в монографии А.Э. Скворцова [Скворцов]. Литературовед сопоставляет стихотворения «О чём ты воешь, ветр ночной...» Тютчева и «Грамофон» Ходасевича. Выявляя в стилистике Ходасевича подчёркнутую ориентированность на претекст Тютчева, он приходит к следующему выводу: в отличие от лирического героя Тютчева, закликающего замолчать таинственные стихии, обладающие страшным знанием, персонаж стихотворения Ходасевича стремится звуками обыденной жизни заглушить откровение, могущее прийти свыше. Таким образом, по мнению Скворцова, в стихотворении Ходасевича утверждается мысль об осознанном «сне разума» [Скворцов: 72].

Однако, несмотря на то, что работы Невзглядовой и Скворцова вносят определённый вклад в изучение особенностей художественного воплощения мотива сна в лирике Ходасевича, многие аспекты обозначенной темы ещё нуждаются в специальном рассмотрении. Дело в том, что Ходасевич принадлежал к тем русским авторам, кто в своих стихах напряжённо размышлял о природе художественного творчества, настойчиво пытался проникнуть в тайны рождения поэтического слова. Предметом постоянной рефлексии Ходасевича-поэта была проблема творческого вдохновения. Весьма важную роль в реализации концепции «вдохновения» в лирике Ходасевича сыграл лейтмотив сна, что ещё не показано отечественными литературоведами. Этим определяется новизна и актуальность предпринятого нами исследования.

Мотив «сна» является смысловой доминантой в последнем сборнике Ходасевича «Европейская ночь», написанном в 1927 году в эмиграции. В нём поэт отразил своё катастрофическое восприятие действительности, показал бездуховное состояние Европы. В данной статье мы рассмотрим семантику и поэтику мотива сна, присутствующего в сборнике Ходасевича «Европейская ночь», и проследим, как его развитие формирует авторскую концепцию «вдохновения».

Само название сборника Ходасевича «Европейская ночь» уже ассоциативно отсылает читателя к идее сна, в который погружается лирический герой. Это подтверждает стихотворение «Весенний лепет не разнежит...» [Ходасевич: 250], написанное в 1923 году. Его лирический субъект, рассказывая о своих ощущениях и предпочтениях, объединяет, казалось бы, несопоставимые процессы и события. Примечательно, что именно дисгармонические эмоционально-психологические состояния человека, описанные автором с физиологической точностью, объявляются величайшим богатством и достоянием:

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот –
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот [Ходасевич: 250].

В этой декларации Ходасевича угадывается диалог с традицией Лермонтова, искавшего вдохновение не в покое, умиротворении и безмятежности, а в борьбе, дисгармонии. В лермонтовском стихотворении «Я жить хочу. Хочу печали...» лирический герой размышляет о бессмысленности жизни поэта без душевного надрыва:

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот. <...>

[Лермонтов: 276].

Страданиями поэт «расплачивается» за минуты вдохновения: «Он покупает неба звуки, / Он даром славы не берёт» [Лермонтов: 276]. Риторическое восклицание, с которого начинается данное произведение, указывает на антиномию, заданную в нём: предикатная основа «я жить хочу» подчёркивает, что восклицательный «не живёт». Итак, Лермонтов противопоставляет «спокойствия туман», являющийся «нежизнью», и жизнь, наполненную заботами и тяготами.

Подобную родственную переключку стихотворения Ходасевича «Весенний лепет не разнежит...» можно заметить и со стихотворением А.А. Блока «И вновь – порывы юных лет...», в котором лирический герой категорично отказывается от счастья во имя творчества и вдохновения: «И, наконец, увидишь ты, что счастья и не надо было...» [Блок: 101].

В череде желанных и искомых психологических переживаний лирический субъект Ходасевича особо выделяет состояние сна, которое он оценивает как путь в иные миры, как вдохновенное пересоздание своей творческой личности.

Иль сон, где, некогда единый,
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная тинной
По чуждым сферам бытия [Ходасевич: 250].

В процитированных строках отчётливо переосмыслен образ символистского многомирия. Звукоспись в этом стихотворении образно подчёркивает границу между сном и явью: шипящие звуки помогают передать восприятие лирическим субъектом «этой жизни»: «И в этой Жизни мне дороЖе/ [Ф] сех гармонических красот – / Дро[Ш]ь, побеЖав-Шая по коЖе, / Иль уЖаса холодный пот» (выделено мною. – А. К.). Наряду с шипящими в первых четырёх строках данной строфы присутствует обилие глухих звуков. Благодаря аллитерации строфа делится на две части. Первая часть ассоциативно «заставляет» читателя услышать «страшные» шорохи земной жизни. Однако эти неприятные ощущения дороги лирическому герою: они для него являются доказательством «иног существования». В следующем предложении, рассказывающем о сне, в котором происходит распад, «расчеловечивание» лирического героя, много звонких звуков: «ВЗРывАясь, РазЛетаюсь я, / Как ГРязь, РазБРызГанНая тиНой / По чуЖДыМ сфеРаМ Бытия» (выделено мною. – А. К.).

В смысловом пространстве этого стихотворения запечатлена характерная для Ходасевича двойственность, амбивалентность. Выражено его умение «нежно ненавидеть и язвительно любить» [Ходасевич:

212]. С одной стороны, сон воспринимается здесь как порыв вдохновения, как освобождающая стихия: «взрываясь» и «разлетаясь», лирический герой избавляется от тягот земной жизни. С другой стороны, лирический субъект фиксирует, что во сне происходит некая катастрофа: разрушение, раздробление на части его человеческого «я»: «некогда единый, / Взрываясь, разлетаюсь я» [Ходасевич: 250]. Однако самоироничное сравнение себя самого с грязью указывает на маловажность для героя реального, брэнного, земного. Человек, распадаясь, становится частицей «грязи». Но лирический субъект воспринимает это как необходимую, жертвенную плату за приход желанного вдохновения, за искомое для художника обретение «миров иных»: «И в этой жизни мне дороже / Всех гармонических красот <...>» [Ходасевич: 250].

Имплицитно мотив сна присутствует и в других стихотворениях сборника Ходасевича «Европейская ночь». Так, в стихотворении «У моря», написанном в 1923 году, лирический герой будто видит сон наяву. Он созерцает словно «изменённую реальность»:

Лежу, ленивая амёба,
Гляжу, прищулив левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз [Ходасевич: 253].

Сравнение неба с опрокинутым тазом в тексте стихотворения показывает неправильность, неестественность положения тела лирического героя. Небо над Европой уподоблено опрокинувшемуся тазу. Это гротескное сравнение базируется на контекстной антитезе: то, что должно быть высоким, бездонным, отвлечённым, соотносится с вещным, твёрдым, применимым в быту предметом. Эпитет «эмалированное», являющийся компонентом развёрнутого сравнения, подчёркивает принадлежность описываемого предмета к бытовой утвари: «Всё тот же мир обыкновенный, / И утварь бедная всё та ж...» [Ходасевич: 253]. Высокое в стихотворении противопоставлено обыденному. Это противопоставление усилено определением «опрокинувшийся»: семантика слова подтверждает пространственное положение героя-рассказчика. Он находится внизу. В изменённой реальности, представленной в стихотворении, всё окружающее лирического субъекта становится необычным:

Над раскалёнными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава [Ходасевич: 253].

Преобразованный фразеологизм «ни жива ни мертва» указывает на состояние ландшафта вокруг героя: окружающий мир как будто находится в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. «Белесоватая» трава также не похожа на обычную траву, выглядит неестественно.

Во второй части стихотворения «У моря» в первой строфе отсутствует подлежащее, и только во второй строфе появляется неназванный действующий субъект – «он». Лирический герой находится в состоянии, похожем на сон. Сравнивая жизнь человека с дрожанием мухи на липкой бумаге, автор показывает безрадостную картину бытия:

Сидит в табачных магазинах,
 Погряз в простом житье-бытье
 И отражается в витринах
 Широкополым канотье.
 Как муха на бумаге липкой,
 Он в нашем времени дрожит
 И даже вежливой улыбкой
 Лицо нездешнее косит [Ходасевич: 253].

Иллюзорность самостоятельности выбора, неосознанность действий героя, его невозможность активно влиять на окружающее в «зыбком мире», подобном сну, подчёркивается в художественном пространстве произведения анонимностью лирического субъекта. Герой обозначен местоимением «он» и не имеет имени. «Он» лишён индивидуальных, личностных черт и совершает бессмысленные, бесцельные действия:

Он всё забыл. Как мул с поклажей
 Слоняется по нашим дням... <...>
 И разом вдруг ослабевают,
 Как сердце в нём захохотёт
 О чём? Забыл. Непостижимо,
 Как можно жить в тоске такой!

[Ходасевич: 254].

Повтор глагола «забыл» обращает внимание читателя на «забывчивость», неосознанность действий героя. Бессмысленность действий, прозябание лирического персонажа прерывается смутными воспоминаниями о лучшем, большем. Он забыл что-то важное в своей жизни, что всё же подспудно не даёт ему покоя. Такое бытие уподоблено в произведении сну, навеянному метафорической «европейской ночью». В данном поэтическом контексте семантика мотива сна перекликается с философской концепцией пьесы Педро Кальдерона «Жизнь есть сон». Герой жаждет избавиться от бесцельного прозябания, но его мучительные попытки «проснуться» заканчиваются страданием:

Он вскакивает. Мимо, мимо,
 Под ветер, на берег морской!
 Колышется его просторный
 Пиджак – и, подавляя стон,
 Под европейской ночью черной
 Заламывает руки он [Ходасевич: 254].

Метафора, вынесенная в заглавие сборника, усиливает у читателя ощущение беспросветности земной жизни. Если образ «ночи» воспринимается читателем как нечто тёмное, накрывающее и давящее на героя психологически, то ощущение беспросветности усиливается эпитетом «европейская». В ёмкую метафору

«европейская ночь» поэт вкладывает многие смыслы: это и культурная «темнота», накрывшая названную часть света, и отсутствие в жизни Европы «религиозного кислорода», и трагическое предчувствие Ходасевичем приближающихся бед, личных и общечеловеческих. А самое тёмное и страшное для поэта-эмигранта в «европейской ночи» – это отсутствие творческого вдохновения, лирическая немота.

Отсюда у лирического героя и рождается состояние особого психологического оцепенения, апатии. Во всех частях стихотворения «У моря» часто встречаются слова лексического поля «скука». Здесь и сравнение героя самого себя с «ленивой амёбой», и «тоска», и разные формы глаголов: «скучать», «молчать», «лежать», «забыть». Сонное состояние героя чередуется с не осознанными в полной мере действиями. Сюжеты частей стихотворения похожи на сновидения. Неслучайно в произведении активно употребляются глаголы и глагольные формы синонимического ряда со значением движения в пространстве: «проходит», «слоняется», «вскакивает», «пустился», «миновал», «шёл», «уходя». Использование во всех четырёх частях стихотворения глаголов сниженной лексики: «слоняется», «пристал», «погряз», «торчит» – подчёркивает бессмысленность действий лирического повествователя, показывает отношение автора к бесцельному прозябанию героя. Глаголы-синонимы со значением «смотреть»: «гляжу», «созерцает», «глядит», – наряду с вышеупомянутыми лексемами, создают образ человека, тяготящегося своим неприкаянным земным существованием.

Лирический персонаж передвигается в пространстве, наблюдает за окружающим миром, но не находит покоя. В тексте стихотворения противопоставлены существительные, называющие предметы вещного мира, и абстрактные, обозначающие стихи. Перечисление предметных субстантивов – различных деталей человеческого быта – показывает бессмысленность пошлого бесцельного существования. В четвёртой части стихотворения бездействию человека противопоставлена активная позиция солнца. Главного героя раздражают действия одушевлённого светила:

Раскалёнными брызгами брызжа,
 Солнце крутится колесом.
 Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!»
 И стучит сухим кулаком.
 Опрокинул столик железный,
 Опрокинул пиво своё.
 Бесплезное – бесполезно:
 Продолжается бытие [Ходасевич: 256].

Тавтология «брызгами брызжа» наряду с другим действием солнца («крутится». – А. К.) в комплексе составной метафоры призвана передать навязчивость, необратимость происходящего, напоминает герою

про ход времени. Цикличность бесцельных действий подчеркнута анафорой:

Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!» <...>

Он пристал к бездомной собаке...

[Ходасевич: 257].

Происходящее с лирическим персонажем в двух последних строфах стихотворения «У моря» можно сравнить с внезапным пробуждением, которое объясняется приходом вдохновения. Именно вдохновение помогает герою подняться над тленным бытием, вырваться из плена европейского приморья. Отсутствие субъекта действий в предложении указывает на пассивную, «страдательную» роль героя: всё происходит без участия человека, нечто стихийное овладевает им:

Вот тогда-то и подхватило,

Одурманило, понесло,

Затуманило, закрутило,

Перекинуло, подняло... [Ходасевич: 257].

У лирического субъекта появляются сверхчеловеческие способности:

Из-под ног земля убегает,

Глазам не видать ни зги –

Через горы и реки шагают

Семиверстные сапоги [Ходасевич: 257].

Концепция «вдохновения», репрезентированная в стихотворении Ходасевича «У моря», отсылает к его «Балладе», завершающей сборник «Тяжёлая лира» и написанной в 1921 году. Там также «нищая скудость безвыходной жизни» [Ходасевич: 241], похожей на сонное существование, прерывается состоянием, которое унесёт лирического героя из пространства «мёртвого бытия». Вдохновение преображает героя: смертный человек превращается в Орфея. Такое преображение сравнимо с духовным пробуждением, возникновением сверхсил и сверхзнания:

Я сам над собой вырастаю,

Над мёртвым встаю бытиём,

Стопами в подземное пламя,

В текущие звёзды челом.

И вижу большими глазами –

Глазами, быть может, змеи...

[Ходасевич: 241].

Состояние лирического героя здесь можно уподобить тому, о котором упоминает Марина Цветаева в своей статье «Искусство при свете совести» (1932): «Состояние творчества есть состояние наваждения. <...> Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель, не тебя, а того. Кто – он? То, что через тебя хочет быть. Меня вещи всегда выбирали по примете силы, и писала я их часто – почти против воли. <...> Состояние творчества есть состояние сновидения, когда ты вдруг, повинувшись неизвестной необходимости, поджигаешь дом или сталкиваешь с горы приятеля» [Цветева: 366]. Как и в стихотворении «Весенний лепет не разнежит...», страшный сон до-

рог лирическому герою «Баллады», состояние наваждения желательно для него, поскольку – это путь к вдохновению. Но компоненты антиномии меняются местами: вдохновение-наваждение-сон, противопоставленный жизни-прозябанию в статье Цветаевой и двух вышеупомянутых стихотворениях Ходасевича, позиционируются иначе в произведении «У моря». Здесь герой Ходасевича стремится «проснуться», и наваждение-вдохновение пробуждает его от земного «сна», которым является его бренное существование. Приход вдохновения похож на пробуждение, освобождение от земных оков. Пробудиться лирическому герою удастся при изменении сознания, смерть также воспринимается как спасительное избавление от пошлого бытия. Подобным образом в стихотворении «Ни розового сада...» земная жизнь уподобляется героем кошмарному сну: «Вдруг стала несогласна / Взыгравшая душа. / Мне всё невыносимо! / Скорей же, легче дыма, / Летите мимо, мимо, / Дурные сны земли!» [Ходасевич: 211].

Таким образом, лейтмотив сна в художественном пространстве сборника Ходасевича «Европейская ночь» характеризует психологическое состояние лирического героя, связанное с приходом либо отсутствием творческого вдохновения. Семантика мотива реализуется антиномично. Так, с одной стороны, сон-вдохновение спасает лирического героя от земной рутины. С другой стороны, обычная земная жизнь в некоторых стихотворениях предстаёт для лирического субъекта сном-наваждением. Особенно трагическое звучание приобретает повествование об этом сне-наваждении в семантическом контексте сборника. Развёрнутая метафора «европейская ночь» в авторском воплощении усиливает две интенции: противопоставлены сон-наваждение и сон-спасение. Контрастно усиливается трагизм «навязанного наваждения существования» на контекстном фоне сгушающейся темноты бездуховности.

В лирическом пространстве «Европейской ночи» Ходасевича сон становится метафорой особого пограничного состояния, внушённого и даже «навязанного» извне герою-творцу. Согласно художественной философии поэта, вдохновение, являясь результатом мобилизации всех способностей художника слова, оказывается «потусторонним», посланным свыше бытием, ведущим к большей творческой продуктивности. Мотив «сна» в противоречивом контексте вышеупомянутых стихотворений «Европейской ночи» указывает на спасительную функцию вдохновения, позволяющего творцу избавиться от «земного сна», духовно «прозреть» и повести за собой людей.

Список литературы

Александрова Е.А. Мотив сна в ранней поэзии А. Блока. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv>

sna-v-rannej-poezii-a-bloka/viewer (дата обращения: 26.10.2023).

Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3 / отв. ред. Ю.К. Герасимов. Москва: Наука, 1997. 988 с.

Дворяшина Н.А., Козикова Ю.Н. Мотивы и образы «сна» в жизни и творчестве М.И. Цветаевой // М.И. Цветаева: судьба и творчество: сб. науч. ст. Сургут: СурГУ, 2003. С. 62–67.

Кавтарадзе Г.А. «...Сон и смерть миную». Тайный путь Осипа Мандельштама. Санкт-Петербург: Ключи, 2014. 110 с.

Коптелова Н.Г. Образ старика в поэзии А. Блока 1900-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, №3. С. 109–116.

Леготина Ю.В. «Всемирный сон» в лирике А. Фета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnyy-son-v-lirike-a-feta/viewer> (дата обращения: 26.10.2023).

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Москва: ГИХЛ, 1957. 425 с.

Невзглядова Е.В. Сны в русской поэзии. URL: <https://magazines.gorky.media/vezda/2017/6/sny-v-russkoj-poezii.html> (дата обращения: 26.10.2023).

Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков: таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. Москва: Юридическая литература, 1991. 304 с.

Нечаенко Д.А. Сюжетообразующие функции сновидений в балладах и религиозно-философской поэме В.А. Жуковского «Агасфер»: от романтической мистики к религии Христа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetoobrazuyuschie-funktsii-snovideniy-v-balladah-i-religiozno-filosofskoy-poeme-v-a-zhukovskogo-agasferotroman-ticheskoy-mistiki-k/viewer> (дата обращения: 26.10.2023).

Полякова Е.А. Поэтика сна в творчестве Пушкина и Лермонтова. Сон Татьяны и сон Мцыри. URL: <http://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/> (дата обращения: 26.10.2023).

Скворцов А.Э. «Но мир мой ширится, как волны...»: О поэзии Владислава Ходасевича. Москва: ОГИ, 2021. 256 с.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Москва: Согласие, 1996. 592 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Москва: Эллис Лак, 1994. 720 с.

Цивьян Т.В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. Москва: Радикс, 1993. С. 299–338.

ney-poezii-a-bloka/viewer (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 3* [Complete works and letters: in 20 vols., vol. 3], ed. by Ju.K. Gerasimov. Moscow, Nauka Publ., 1997, 988 p. (In Russ.)

Cvetaeva M.I. *Sobranije sochinenij: v 7 t. T. 5: Avtobiograficheskaja prosa. Statji. Esse. Perevody* [Collected works: in 7 vols., vol. 5], comp., preparation of the text and comments by A. Saakjans, L. Mnuhina. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994, 720 p. (In Russ.)

Cyvjyan T.V. *O remizovskoj gipnologiji i gipnografiji: Serebrjanyj vek v Rossiji* [About Remizov's hypnology and hypnography: Silver Age in Russia]. Moscow, Radix Publ., 1993, pp. 299-338. (In Russ.)

Dvorjashina N.A., Kozikova Ju.N. *Motivy i obrazy «sna» v zhizni i tvorcestve M.I. Tsvetaevoj* [Motives and images of “dream” in the life and work of M.I. Tsvetaeva]. *M.I. Tsvetaeva: sudba i tvorcestvo: sb. st.* [M.I. Tsvetaeva: fate and creativity: collection articles]. Surgut, SurGU Publ., 2003, pp. 62-67. (In Russ.)

Hodasevich V.F. *Sobranije sochinenij: v 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 vols., vol. 1]. Moscow, Soglasije Publ., 1996, 592 p. (In Russ.)

Kavtaradze G.A. «...Son i smert' minuja». *Tajnyj put' Osipa Mandelshtama* [“...Bypassing sleep and death”. The secret path of Osip Mandelstam]. Saint Petersburg, Kljuchi Publ., 2014, 110 p. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Obraz starika v poezii A. Bloka 1900-h gg.* [The image of an old man in the poetry of A. Blok of the 1900s.]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2022, No. 3 (28), pp. 109-116. (In Russ.)

Legotina Ju.V. «Vsemirnyj son» v lirike A. Feta [“World sleep” in the lyrics of A. Fet]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnyy-son-v-lirike-a-feta/viewer> (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Lermontov M.Ju. *Sobranije sochinenij: v 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 vols., vol. 1]. Moscow, GIHL Publ., 1957, 425 p. (In Russ.)

Nechaenko D.A. *Son, zavetnyh ispolnennyj znakov: tainstva snovidenij v mifologii, mirovyh religijah i hudozhestvennoj literature* [A dream filled with cherished signs: the mysteries of dreams in mythology, world religions and fiction]. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1991, 304 p. (In Russ.)

Nechaenko D.A. *Sjuzhetoobrazujutchie funkciji snovidenij v balladah i religiozno-filosofskoj poeme V.A. Zhukovskogo «Agasfer»: ot romanticheskoy mistiki k religiji Hrista* [Plot-forming functions of dreams in ballads and religious and philosophical poems by V.A. Zhukovsky “Agasphere”: from romantic mysticism to the religion of Christ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetoobrazuyuschie-funktsii-snovideniy-v-balladah-i-religiozno-filosofskoy-poeme-v-a-zhukovskogo-agasferotroman-ticheskoy-mistiki-k/viewer> (дата обращения: 26.10.2023).

References

Alexandrova E.V. *Motiv sna v rannej poezii A. Bloka* [The motif of sleep in the early poetry of A. Blok]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-sna-v-rannej-poezii-a-bloka/viewer> (дата обращения: 26.10.2023).

ferotroman ticheskoy-mistiki-k/viewer (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Nezgljadova E.V. *Sny v russkoj poezii* [Dreams in Russian poetry]. URL: <https://magazines.gorky.media-zvezda/2017/6/sny-v-russkoj-poezii.html> (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Poljakova E.A. *Poetika sna v tvorcestve Pushkina i Lermontova. Son Tatjany i son Mcyri* [Poetics of sleep in the works of Pushkin and Lermontov. Tatyana's dream and Mtsyri's dream]. URL: <http://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/> (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Skvorcov A.E. «*No mir moj shiritcja, kak volny...»*: *O poeziji Vladislava Hodasevicha* [“But my world is expanding like waves...”: About the poetry of Vladislav Khodasevich]. Moscow, OGI Publ., 2021, 256 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.